

Александр Зорич

Чрезвычайное положение

Александр Зорич
Чрезвычайное положение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133929

Содержание

1	4
2	5
3	8
4	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Зорич

Чрезвычайное положение

1

Если только верно, что все имеет конец, то тогда точно: срок моего заключения еще не кончился, увы. Прокричать это «увы» из окна да во двор, где полосатым уроборосом гуляют другие зеки, мне не с руки. Кричать здесь нельзя, а кричать на языке немых – затея для безработных мимов, которые, как правило, лет на десять меня моложе. Все знают, что я здесь из-за женщины. И даже не скажешь «как обычно», поскольку обычно сидят из-за денег.

Не буду врать, что меня не предупреждали. Меня предупреждали. Когда я впервые требовательно обнажил свой правильный по здешним понятиям, без единой лишней складки уд, и попросил ее сделать что-нибудь с этим избытком, с этим напряжением и, чего уж там, с этой похотью, она сказала что-то вроде «ладно», а потом, близоруко сощурившись на предмет своего предстояния, сказала, что я буду разочарован. Как будто даже пообещала.

Мне тогда было невдомек, как в принципе можно разочароваться в таком ожившем порнофильме: принцесса сдается чудовищу сразу, сдается легко, без уговоров и не капризничая, принцесса соглашается и покорно отделяет от кожи последние оплоты приличия, делай что хочешь, и если чего-то нельзя, так это продлить этот ласковый дурдом хотя бы на сутки. Тогда я не понял. Теперь ясно: она имела в виду не сейчас, а вообще. Тогда я был настырен как заяц, я струился по времени как шелк, это сейчас мир выточен из халвы, в то время как к этому вину подадут маслины. В общем, после трех дней сплошных минетов и мытья, мытья и минетов она уехала, а я остался ждать. Ширли обещала вернуться через неделю, но я-то всегда считал себя реалистом, я-то проницательно подумал «нет, за неделю она не обернется», и настроился на месяц.

За этот месяц наш город брали дважды. И оба раза в нашей гостинице под ногами клиентов кипели ковровые дорожки – все бежали прятаться в подвалы. Канонада стала чем-то вроде боя часов. Выскочки-полководцы, выдвиженцы и прочая военная грязь обрадовались нашей гостинице больше, чем победе. Вроде бы неравнозначно, но на самом деле можно понять. Ни у кого из них до войны не было денег на то, чтобы так жить, а после войны может и их самих уже не будет. Стараниями чьих-то (я не следил за газетами) артиллеристов был поврежден величественный охряной акведук, который строил приемный внук Цезаря Юлия, сердечный друг нашей провинции, и теперь моя гостиница осталась засыхать без воды, но тогда меня это даже радовало, в кои-то веки в гостинице чего-то не хватает, а нехватка – это всегда первое время экзотика. Но радовало не только поэтому, но еще и потому, что теперь никаких душей, слышишь, родная, теперь никакой гигиенической паранойи, теперь все по старинке, тазик и кувшинчик, ну не плачь, от тебя всегда хорошо пахнет, это не нужно доказывать, просто опустись ниже, еще чуть... ниже и не плачь, вода нам даже не нужна, потому что я умою тебя своими губами... – вот такие желтобульварные монологи курсировали обыкновенно по моей голове, когда я поднимался на четвертый этаж в номер к полководцу Г., порядочной суке, с пустой ночной вазой и полным кувшином, от которого, как и от воды в нем, разлило старым бурдюком. Когда я спускался, все было наоборот – ночная ваза

была полной, а кувшин пустым. Как вдруг я обнаружил, что с водой – это надолго, а с момента исчезновения Ширли (а она именно исчезла, в смысле не попрощалась, не успела) пролетело шестьдесят два дня. Шесть раз по десять и еще два.

За четырнадцать лет я привык говорить о гостинице в залоге принадлежности: она – моя, а я принадлежу ей. Юридически ни то ни другое не является правдой, зато по сути – так. Логично поэтому, что женщины, которые появлялись в ней, также расступались на два мирка – те, что принадлежат гостинице и те, что принадлежат мне. Первых было больше, зато Ширли была из вторых. Кто из каких определялось обычно в первый же вечер, когда я приходил к ним задернуть на ночь шторы. С теми, кто говорили «ой, как стало темно!» нужно было вежливо прощаться, у тех, кто говорил «спасибо», можно было внаглую оставаться до утра.

Ширли сказала «это еще зачем?», она едва-едва меня не оттолкнула, я уже собрался уходить с пожеланиями спокойной ночи, но вдруг она попросила снотворное, которое снимает заодно и головную боль, и переутомление, и температуру, кюхенмейстер, описывая подобные случаи, в таких местах обычно говорил «нарек я понял», но здесь это не подходит, потому что это был не намек, она сидела на кровати, деревянная, бледная и застегнутая на все пуговицы, и ее, кажется, сильно знобило, а я просто автоматически, служебно, положил ладонь на ее белый лоб – я совершенно серьезно померял ей температуру, которая у нее, да, была – как вдруг она вставила ногу в крюконосой туфле между двух моих и

серьезно сказала «хватит!». И тогда я, уже можно сказать, окрыленный, хотя мне до сих пор не понятно, к чему отнести это «хватит», положил руки ей на плечи (она все еще сидела, надо же) и, поскольку эгоизм у меня стал больше, чем сердце, а трахаться с этими шторами уже вошло в привычку, каждый день кто-нибудь говорил «спасибо», я честно попросил у нее поцелуй, не в губы, конечно, нет, а она сказала, что подумает.

Думала она долго. Что-то около получаса. И думала бы дольше, но я самочинно открыл дверь ее номера ключом (у меня ведь дубликаты всех ключей, даже от двери собственной комнаты), а дальше было что было. Она снова спросила есть ли снотворное, а я был тут как тут со своими искусительными «о да, мадам, есть одно патентованное средство», и со своими дежурными «не бойся, милая», а она со своими «нет» и со своими «пожалуйста, осторожней» (сначала все было на «вы») и со своими трогательными опасениями, что я ее собой разорву напополам, действительно, опасность была, и со своими ошалевшими улыбочками, а когда я ей предложил поцелуй со своей стороны, конечно, не в губы, нет, хотя потом было и это, она сказала, что не желает моих контрибуций, и так на все специальные предложения – только крутить носом и черт побери где таких недотеп воспитывают, хотя теперь это все равно, что рукоблудие – вспоминать о таких вещах, это все равно, что вытирать саваном пот, словом, чувствуешь себя неловко и в горле стоят слезы.

Довольно скоро наш полководец F., дешевый фат, практик прицельной стрельбы и усач, словом, типический диктатор и персонаж отрицательный, выразил желание со мной поговорить за обедом. Обедали они в половине третьего, что меня лично возмущало – здесь, у нас, в гостинице, по правилам обедали в половине второго и никто никогда не посягал на это святое время, ни разу со времен Марка Аврелия время обеда не передвигали – особы ультраголубых кровей, меценаты и женщины в душных мантиях мялись у дверей трапезной уже в двадцать минут второго, непринужденно ожидая, пока два лакея распахнут двери.

А теперь нет. F. сказал, что старые порядки не ложатся под новый стиль, что эти порядки надо ломать. Короче говоря, этот унтерменш F. издал приказ, и теперь обедать накрывали на час позже. С горя я распорядился, чтобы мне сервировали отдельно, в моей комнате в привычное мне время. Поэтому не удивительно, что на беседу я пришел сытым, рассеянным и чуть взведенным. Это для меня нормально после кофе.

F. как раз что-то жевал, низко склонившись над тарелкой. Я, кстати, поинтересовался у кухонмейстера, что F. готовят – он сказал, что как обычно, т.е. наше стандартное разнообразие, но каждый день – обязательно паровые котлеты из индюшки. Вот как раз эту индюшку он и ел. Сначала он скло-

нялся к самой котлете, осторожно брал ее зубами за край, потом прижимал другой край вилкой и тянул на себя.

– У вас хорошая гостиница. Жена мне еще давно говорила, что это шик, как сейчас говорят – люкс. Я никогда ничего такого не видел, не было возможности, – сообщил мне F., спрятал в кулак отрыжку и предложил мне сесть, как будто это я у него в гостях.

– Спасибо, – сказал я и, беззвучно отодвинув стул, сел напротив.

Жена ему, видите ли, говорила. Небось, прочитала в газете – вот и говорила. Можно себе представить эту жену. На лице – косметическая маска, толстые пальчики напитаны золотом самой поганой пробы, бигуди под косынкой, – подумал тогда я.

– Только картинки мне не нравятся.

– Вот как? – опешил я.

– Замените.

Мне понадобилась одна семьдесят четвертая секунды, чтобы вспомнить, что висит у него в номере. Вспомнил. «Последнее искушение Руми» (подлинник) и «Плод граната» (копия семнадцатого века).

– И гранат тоже заменить?

– И его тоже. Похож на кашку, – хохотнул F.

Я бы тоже хохотнул, если бы было хоть немного похоже.

– Наша гостиница недалеко от штаба. Вам удобно добираться, ведь верно?

– Мне? Вообще-то ничего. Кстати, я вас как раз и позвал, чтобы этот вопрос обсудить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.